

**ИСТОРИОГРАФИЯ.
ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ.
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ**

**HISTORIOGRAPHY. HISTORY
OF SCIENCE AND TECHNOLOGY.
SOURCE STUDIES**

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-1-7-25
УДК 947.1/9

**РОССИЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ XVIII–XIX ВЕКОВ
О КОНФЛИКТАХ В КАЗАХСКОЙ СТЕПИ И УЧАСТИИ
В НИХ УРАЛЬСКОГО КАЗАЧЕСТВА**

Дубовиков А.М.

Цель. Цель данной статьи – показать сложность и неоднозначность отношений между казаками и русскими военными (прежде всего казаками) в период продвижения России в казахскую степь и Среднюю Азию, а также отражение данной проблемы в различных источниках.

Метод или методология проведения работы. В ходе проведения работы были использованы разноплановые источники, проливающие свет на данную проблему. Среди них документы XVIII–XIX веков, в основном, из Государственного архива Оренбургской области (ГАОО), а также из военно-исторического архива (РГВИА). Используются также документы, собранные поручиком генштаба А.Д. Рябининым, важность которых связана и с тем, что архив Уральского казачьего войска пропал в годы гражданской войны. Не менее важными представляются две крупные работы офицеров, военных историков и теоретиков М.И. Иванина и М.А. Терентье-

ва, принимавших непосредственное участие в походах через казахскую степь и в присоединении Средней Азии. В меньшей степени использованы материалы других «живых источников» XIX века – уральских казачьих офицеров И.И. Железнова и Н.Г. Мякушина, а также служившего при Оренбургском военном губернаторе В.И. Даля. Важным источником являются и «Уральские войсковые ведомости» – единственная газета, издававшаяся в Уральском казачьем войске в последней трети XIX века.

Результаты. Все эти источники позволяют сделать ряд важных заключений. Они ярко свидетельствуют, что юго-восточные окраины России долго подвергались набегам «степняков», и это выработало у большинства пограничного казачьего населения устойчивую неприязнь к кочевым соседям. Неприязнь сохранялась долгое время, но в течение XIX века она постепенно снижалась вследствие социально-политических и экономических изменений, параллельно сокращалось и число конфликтов. Российские военные иногда проявляли излишнюю жестокость, а их командиры, выполняя указания свыше, не всегда были справедливы в отношении казахского населения. Но это не было основной тенденцией. Казахское общество было отнюдь не монолитно. Далекое не все представители знати пользовались уважением и авторитетом у простых людей; многие ханы и султаны нуждались в личной охране от своих же подопечных, которую осуществляли казаки. Нравы различных казахских родов и жузов порой имели существенные различия, обусловленные разными факторами, в том числе географическими. Чаще всего конфликты, волнения и мятежи происходили в Западном Казахстане (в Младшем казахском жузе), а самым непокорным и воинственным здесь был род «адай». Сложными были отношения казахов не только с казаками (или в целом с русскими), но и с другими соседями – узбеками, туркменами и прочими, порой приводившие к кровавым столкновениям. В то же время, источники свидетельствуют, что имело место и позитивное сотрудничество с казаками и их знатью в разных областях – политической, военной, хозяйственной, культурной.

Область применения результатов. Данные этой статьи могут использоваться историками, краеведами, другими научными и научно-педагогическими работниками, а также всеми, кто интересуется историей русско-казахских отношений.

Ключевые слова: В.А. Перовский; М.И. Иванин; М.А. Терентьев; И.И. Железнов; «Уральские войсковые ведомости»; уральские казаки; казахская степь; лаучи; Исатай Тайманов; Каип Галиев; Кенесары Касымов.

RUSSIAN SOURCES OF THE XVIII–XIX CENTURIES ABOUT THE CONFLICTS IN THE KAZAKH STEPPE AND THE INVOLVEMENT AND PARTICIPATION OF THE URAL COSSACKS

Dubovikov A.M.

Purpose. *The purpose of this article is to show the complexity and ambiguity of relations between Kazakhs and Russian military (primarily Cossacks) during the advance of Russia in the Kazakh steppe and Central Asia, as well as a reflection of this problem in different sources.*

Methodology. *In the course of the work, we have used diverse sources that shed light on this issue. Among them, documents of XVIII–XIX centuries, mainly from the State archive of Orenburg region (GAOO), as well as from the military historical archive (RGVIA). Used the documents collected by the Lieutenant of the General staff, A.D. Ryabinin, the importance of which is associated with the fact that the archive of the Ural Cossack troops lost during the civil war. Not less important are two major works of officers, military historians and theorists M.I. Ivanin and M.A. Terentyev directly involved in the campaigns through the Kazakh steppe and the annexation of Central Asia. To a lesser extent the materials used other “sources” of the XIX century the Ural Cossack officers I.I. Zheleznov, N.G. Makushin, and also serving at the Orenburg military Governor V. I. Dahl. An important source is and “Ural-*

skiye voiskoviye vedomostie” – the only newspaper published in the Ural Cossack army in the last third of the XIX century.

Results. *All these sources allow us to draw some important conclusions. They clearly indicate that the South-Eastern outskirts of Russia was long subjected to raids “nomads”, and it has developed most of the border of the Cossack population sustained hostility to the nomadic neighbors. The hostility persisted for a long time, but during the nineteenth century it was gradually decreasing due to the socio-political and economic changes in parallel decreased and the number of conflicts. The Russian military sometimes showed excessive cruelty, and their commanders, carrying out orders from above, was not always true in the Kazakh population. But it was not the main trend. The Kazakh society was not monolithic. Not all members of the nobility enjoyed respect and authority among the common people; many khans and sultans needed a personal guard from their own wards, which was carried out by Cossacks. The mores of various Kazakh tribes and clans often had significant differences, caused by different factors, including geographical. Most often, conflicts, unrest and rebellion occurred in Western Kazakhstan (the Kazakh Small Zhuz) and the rebellious and warlike, there was a kind of “Adai”. Difficult was the attitude of the Kazakhs not only with the Cossacks (or in General with the Russians), but also with other neighbors – Uzbeks, Turkmen and other, sometimes leading to bloody clashes. At the same time, sources reveal that took place and positive cooperation with the Kazakhs and their elites in different fields – political, military, economic, cultural.*

Practical implications. *The information in this article can be used by historians, ethnographers, other scientific and scientific-pedagogical employees, as well as all those interested in the history of Russian-Kazakh relations.*

Keywords: *V.A. Perovsky; M.I. Ivanin; M.A. Terentiev; I.I. Zheleznov; “Uralskiye voiskovyye vedomosti”; the Ural Cossacks; the Kazakh steppe; the camel jockeys; Isatai Taimanov; Kaip Galiyev; Kenesary Kasymov.*

Дореволюционный период российской истории в исторической науке Казахстана подвергнут более жёсткой критике, чем у советских авторов, которые признавали наличие прогрессивных моментов. Казахстан показан древней страной, которая попав под власть России, подверглась социально-экономической и культурной деградации, а её народ – частичному истреблению. Б. Аяган и М. Шаймерденова в своём учебнике утверждают, что российские колонизаторы «отбирали у коренного населения лучшие земли», отчего у казахов «к 1917 году было изъято более 45 миллионов десятин земли». Полмиллиона квадратных километров! Реально ли? При этом главным злом были не переселенцы, а «казачьи войска на территории Казахстана» [2, с. 6–7]. Казахстанские историки затрагивают казачества, чья история прямо связана с Казахстаном. А.С. Елагин в книге «Казачьи войска в Казахстане» привёл о них поверхностные, сопроводив комментариями о реакционности казачества и его вечной вражде с казахским народом [7]. В работе М. Абдилова отношения между казаками и казахами названы «геноцидом казахского народа» [1, с. 140]. К. Данияров отмечает, что «на колонизируемых землях активно формировались казачьи войска: Уральское, Оренбургское, Астраханское, Сибирское» [6, с. 5]. Он убеждён, что Нижняя Волга – исконно казахская земля. Националистические подходы возобладали повсеместно в республиках бывшего СССР. Часто в них мало науки и много политики. В этих условиях важно дать объективную оценку событиям, связанным с присоединением к России разных территорий и обусловленных этим межэтническими отношениями. Помощь в этом окажут материалы архивов, периодика, произведения мемуарного характера, другие источники.

Отношения между казахами и казаками в казахстанской историографии преподносятся исключительно в негативном свете не случайно. Упоминание о наличии какого-либо позитивного опыта в этом плане здесь просто недопустимо. Очевидно дело в том, что значительная часть земель бывших казачьих войск, активно действовавших на территории казахской степи и участвовавших в присоединении к России Средней Азии, сегодня оказались за

пределами России. Казахстану ныне принадлежит вся территория бывшего Семиреченского войска, почти вся территория Уральского, большая часть Сибирского и незначительная часть Оренбургского. По этой причине многие в Казахстане испытывают опасение, что обращение к истории этих регионов может привести к территориальным претензиям со стороны российских представителей или к появлению регионального сепаратизма. Дабы вопрос о том, чьи это территории, был окончательно закрыт, следует показать, что данные казачьи войска возникли в результате незаконного захвата казахских земель, а их население активно участвовало в гонениях на коренное население края, являясь проводником колониальной политики царизма. Но следует ли считать такой подход справедливым? На сегодняшний день Казахстан является дружественным России государством, и обращение к реальной истории уральского или сибирского казачества вовсе не следует считать покушением на территориальную целостность республики. Не только историки, но и потомки тех казаков имеют право на получение объективной информации о своих предках. К сожалению, после распада СССР проблема соотечественников по-прежнему остаётся актуальной.

До 1925 года казахов официально называли «киргизами». Иоасаф Железнов, казачий офицер и бытописатель, придерживался точкой зрения, которую разделяло большинство его земляков. «В глазах казаков зауральские киргизы были не что иное, как враги», – писал он [8, с. 106]. Нелюбовь к казахам легко проследить в его литературных трудах. Пример – повесть «Василий Струняшев». Главный герой, именем которого она названа, попав в плен к казахам, пропитался ненавистью, и после побега мстит всю оставшуюся жизнь. В эпиграфе к третьему изданию сборник произведений И.И. Железнова «Уральцы: очерки быта уральских казаков» приведена его цитата: «Я, если разбирать меня с общей точки зрения – гуманист, но, коснись дело до интересов казаков, я – эгоист... Киргизы же для меня – создание совершенно постороннее». В очерке «Уральский казак» В.И. Даль создал яркий образ казака-уральца. Будучи оренбургским чиновником, Даль часто бывал в землях уральских

казаков, что позволило ему хорошо узнать их быт и нравы. Главный герой очерка, Проклятов, «немало сражался на своём веку, не говоря о всегдашней войне с киргизами» [5, с. 105].

Боевую летопись земляков изучал казачий офицер Н.Г. Мякушин. Он детально описал одну из экспедиций, отправленную для наказания рода «адай»: «Неожиданное появление казаков до того ошеломило хищников, что они не верили своим глазам, ... с криком «урус, урус» они начали выбегать из своих кибиток и защищаться с оружием в руках... Положение их было самое отчаянное: их поражали пулями, кололи пиками, рубили шашками и топтали конями... по всему полю в беспорядке лежали трупы киргиз» [10, с. 27–28].

Но откуда у казачьих авторов было столько неприязни к соседям-казахам? Ответ прост, если знать особенности их взаимоотношений в XVIII–XIX веках. Делами о конфликтах на границе Уральского (до 1775 г. – яицкого) казачьего войска (набегах, грабежах, угонах скота, потравах) изобилует Оренбургский областной архив [3, оп. 1. д. 17, д. 20, д. 33, д. 40 и др.]. Нападений можно было ожидать во время любых промыслов, что было отмечено ещё П.-С. Палласом [11, с. 430]. Нет оснований не доверять Железнову, писавшему: «Выезжая на покосы или на рыбную ловлю, казаки, даже в виду своих жилищ, должны были иметь такую же точно предосторожность, какая обыкновенно соблюдается во время войны на передовой цепи армии» [8, с. 71]. Периодически войсковая канцелярия приказывала усилить караулы в местах проведения промыслов [4, оп. 10. д. 204-а. л. 1-2об.]. В одном из документов 1760 года атаман Андрей Бородин перечислил нападения на форпосты и крепости Яицкого войска лишь за август-сентябрь, результатом стали угоны табунов, гибель, ранения и плен казаков. Тогда же предписывалось создать два яицких казачьих корпуса, чтобы «в потребном случае, совокупясь против злодеев киргиз-кайсаков, выступить в погонь соединенными силами за ними и в самые их улусы чинить» [13, с. 34, 36–37]. Но чувство опасности, по словам И.И. Железнова, у казаков не перерастало в чувство страха: «Чтобы киргизы одержали верх над казаками –

тому никто почти не хотел верить: так сильно у казаков сознание своего превосходства перед ордынцами» [8, с. 62].

До пугачёвщины правительство разрешало казакам самостоятельно преследовать «воров-киргизов» в их степи и брать заложников (аманатов) из числа их родственников. После того как это было запрещено, интенсивность нападений возросла. Угоны крупных табунов имели место в 1803, 1805 (близ Каршинского форпоста), 1807 (близ Генварцева и Глиненского форпостов), 1808 (близ Харкинского форпоста), 1809 (близ Глиненского и Рубёжинского форпостов), 1810 (вновь близ Харкинского) [4, оп.10. д.30, д.249-А, д.264, д.469, д.659, д.720]. Похищения людей (казаков и их работников) были зафиксированы в 1803, 1805 (казаки Кокаревы и казак Поленов), 1807 (казаки из Требушинского форпоста), 1808 (группа работников) [4, оп.10. д.30, д.155, д.273, д.400]. Грабежи казаков в приграничной зоне произошли в 1803 (ограблены работники полковника Акутина, группа купцов и есаул Тельнов), 1807 [4, оп.10, д.32, д.34, д.227, д.249]. Часто набеги сопровождались убийствами. В 1807 погиб казак Тюрюков. Тогда же, в ходе нападения на людей, косивших сено близ Требушинских хуторов, один работник был убит, двое захвачены для продажи в рабство, а казак-малолеток Бакалкин получил тяжёлое ранение. В 1808 году, защищая свою собственность, погиб урядник Попов [4, оп.10. д.249; д.273, д.400]. Подобные примеры можно продолжить.

Иногда преступления совершали казахи, работавшие у казаков, вступив в сговор с земляками. Например, в 1819 г. казак Баксаевской крепости Емельян Бородин, став в тёмное время суток свидетелем хищения коней Прохора Колпакова, пытался задержать воров, но получил смертельное ранение. Умирая, он успел назвать их имена – Аман Байгундиев (работник Колпакова) и его приятель Мурбаев [4, оп.10, д.2137, л.1-5]. Преследование не дало результатов из-за запрета перехода Урала. Такие случаи происходили и впредь. В 1880 году оренбургский губернатор, обращаясь к уральскому коллеге, сообщал, что «некоторых пастухов-киргизов» посещают «под видом гостей киргизы неодобрительного поведения», которые «занимаются хищением лошадей у городских жителей» [16, 1880. №45].

«Зная, что казаки не смеют переходить через Урал, в их степи, они [казаки – Д.А.] преспокойно собирались там вблизи казачьих станиц большими партиями и, выбрав удобное время и место, переплывали Урал, нападали невзначай», – отмечал И.И. Железнов [8, с. 71]. С ходатайствами об отмене запрета обращались и губернатор Г.С. Волконский, и сменивший его П.К. Эссен [14, с. 72]. Отменить запрет удалось лишь во 1823 году. «С тех пор как дозволили казакам преследовать киргизов за Уралом, киргизы год от году стали тише», – писал И.И. Железнов [8, с. 74]. Но столкновения продолжались; раньше казаки в основном, ловили «воров», совершавших в пограничье грабежи, а теперь становились участниками внутренних разборок между обитателями степи. После того как казахские старшины и султаны стали российскими подданными, игнорировать их конфликты было уже нельзя. Во 2-й четверти XIX века на сцену вышла целая плеяда «разбойников» и «мятежников» – Жоламан, Каип Галиев, Исатай Тайманов, Махамбет Утемисов, Кенесары Касымов и другие. М.И. Иванин считает, что проявления недовольства у казахов часто были обоснованными. Главными виновниками волнений, начавшихся во Внутренней орде, он считал хана Джангира и потакавшую ему оренбургскую власть. Хан дарил земли родственникам и прочим лицам (за взятки), выделив себе 400 тысяч десятин лучших угодий. Жалобы в Оренбург не давали результатов, и тогда недовольных поддержал старшина Исатай Тайманов. Поднятый им бунт во Внутренней орде был подавлен казаками, после чего перекинулся в Малую орду, где казаки полковника Геке и джигиты султана Айчувакова настигли и уничтожили «мятежников», включая лидера. М.А. Терентьев признаёт, что «мятежники» были «сильны и численностью, и сочувствием народа» [9, с. 87–88; 15, с. 32–37]. После смерти Джангира его злоупотребления стали поводом к «прекращению ханского достоинства» во Внутренней орде, а поземельные ярлыки признаны утратившими силу. Начались новые волнения, но исходившие уже от знати [9, с. 186–187]. Другим проявлением несправедливости М.И. Иванин считает создание в Оренбуржье новой линии (1830-е гг.): «Мы основали новую

Оренбургскую линию, заняв более 4 миллионов десятин превосходных пастбищных киргизских земель под казачьи поселения, без всякого вознаграждения киргизов». Хотя «занимая у них для наших поселений и укреплений луговые места и пастбища, необходимые также и пастушескому народу, следовало бы вознаграждать за это» [9, с. 186].

М.А. Терентьев тоже признаёт наличие несправедливости в отношении казахов. Прежде всего, она проявлялась в том, что вместо виновников часто страдали невинные люди. Яркий пример – действия полковника Мансурова по поимке «мятежников» Каипа и Жоламана: «Джуламан ушел за Эмбу, а главный руководитель волнений, султан Каип, бежал в Хиву». Однако Мансуров разорил аулы рода, не принадлежавшего к числу их сторонников, увеличив число недовольных [15, с. 32–34]. Генерал Генс, требуя верблюдов, не церемонился, сказав казахам, что ожидает «не толков, а повинения воле Императора, что, впрочем, в нужном случае она исполнится и без их согласия, содействием посланных уже и снаряжаемых еще в степь отрядов» [9, с. 84]. Утеген Мусабаев, убив группу спящих россиян, бежал, но расстреляны как заложники были посторонние люди [15, с. 201–202].

Не отличался гуманизмом в отношении казахов и Перовский. После нападения хивинцев на небольшой русский отряд, многие вожаки верблюдов (лаучи) были сильно напуганы. Собравшись у походного штаба Перовского, они заявили, что дальше не пойдут. После угроз толпа разошлась, но семеро остались. По приказу Перовского казаки расстреляли по очереди двоих, после чего остальные пятеро упали на колени, прося пощады [9, с. 125–126]. По мнению М.И. Иванина, «нужно употребить десятки лет хорошего управления, развития торговли и здоровой политики для установления приятных отношений с этими племенами». «К сожалению, генерал-адъютант Перовский не последовал этому пути», – заключил М.И. Иванин [9, с. 186].

Казахский род «адай» кочевал на северо-востоке Прикаспия и гораздо чаще других родов фигурировал в сводках о набегах. Кочевья

адаевцев находились между российскими, хивинскими и иранскими землями, что провоцировало их род к занятию работорговлей больше, чем другие. С другой стороны, это влияло на менталитет рода, обретшего имидж самого разбойного, воинственного и непокорного. Этот род, входя в Малую орду, по утверждению М.А. Терентьева, «ни во что не ставил своего султана-правителя» [15, с. 159]. В 1825 г. для наказания адаевцев был выслан крупный отряд полковника Берга, через год подобное задание получил полковник Щапов. Их отряды состояли, преимущественно, из уральских казаков [14, с. 76].

Лоцманы, плохо знавшие отмели у Мангышлака, часто сажали суда на мель, становясь жертвами адаевцев. В 1812 г. казачья команда Мотыгина захватила адаевцев, грабивших судно купца Ашуева [4, оп.10, д.1703, л.7]. В 1836 г. от разграбления адаевцами суда спасла дежурившая на водах команда сотника Ерыклинцева. За это очередное наказание осуществили пять сотен уральских казаков [10, с. 13]. В 1839 г. адаевцы разграбили и сожгли каспийские суда с грузом для Хивинской экспедиции, после чего напали на Провинский пост, угнав скот [9, с. 127]. Затем сорвали поставку Перовскому верблюдов, захватив и отправив в Хиву сопровождавшего верблюдов корнета Аитова [9, с. 133–134]. Для экзекуции были посланы уральские казаки полковника Бизянова, к которым добавились джигиты султана Айчувакова. Настигнув «злодеев» в устье Эмбы, казаки и джигиты уничтожили их до пятисот человек [12, оп.6. д.5446. л.99; 9, с. 149–150].

Места уничтожаемых мятежников занимали преемники. Вместо Каипа, Исатая и прочих объявились Касым, его сын Кенисары и другие. В 1843 г. к наградам были представлены 17 уральских казаков (5 офицеров, 12 нижних чинов) за участие в отряде уральского казачьего полковника Бизянова «противу скопищ мятежных киргиз» султана Кенесары. В списке также имелись оренбургские казаки, башкиры и казахи [12, оп.6, д.5446, л.96-130].

С 1869 года в «Киргизском крае» вступало в силу новое положение об управлении. Оно вводилось в рамках либеральных реформ и ставило целью урезание прав знати с предоставлением народу

права выбирать аульную и волостную власть. Султанов-правителей заменяли начальники дистанций, назначаемые региональной властью. Избирались и муллы, ранее назначаемые муфтиями. Это вызвало недовольство значительной части духовенства и знати. «Орда, как тогда уральские казаки называли киргизов, заволновалась: мятежные шайки и скопища напали на форпосты, изгоняли целые табуны лошадей, напали на почту и даже на наши вооруженные отряды», – писала пресса [16, 1897, №41]. Масло в огонь подливали и хивинские эмиссары.

В 1870 году, под предлогом несогласия с новым положением, адаевцы подняли мятеж. Вести переговоры пытался Мангышлакский пристав Рукин. У адаевцев он велел сопровождавшим его уральским казакам сдать оружие, как просили хозяева. Казакам пришлось подчиниться, после чего часть их была убита, часть попала в плен. «В миниатюре здесь повторена была от «а» до «я» вся трагедия Бековича-Черкасского; ничего не читают, ничего не знают эти господа», – заметил М.А. Терентьев [15, с. 169]. Затем адаевцы осадили Форт Александров, для защиты которого с Кавказа был выслан отряд полковника Кутайсова, а из Гурьева – отряд подполковника Саранчова. Вглубь кочевий адаевцев, к озеру Чушка-куль, выдвинулся подполковник Байков с казаками генерала Бизянова и ротой солдат. Отряд Байкова прошёл без дневного отдыха по безводной степи 500 вёрст. Особо отличились три уральских казака (Соколов, Любимов и Халимов), которые наряду с донцами и оренбуржцами геройски отразили нападение адаевцев [15, с. 170]. Даже М.И. Иванин, часто сочувствовавший казахам, считает, что сделать из адаевцев российских подданных не удастся, а потому «дорожить ими нет надобности» [9, с. 167–168].

Известия о конфликтах в казахской степи и её российском пограничье регулярно публиковались в местной прессе. Пик таких публикаций пришёлся на 1869–1873 гг. (от введения нового положения до взятия Хивы). «Уральские войсковые ведомости» сообщали, что 6 апреля 1869 г. в войсковом собрании состоится благотворительный концерт «в пользу семейств убитых киргизами близ Горяченского

форпоста 11 казаков». В следующем номере отмечалось, что концерт принёс 91 рубль [16, 1869, № 14, 15]. В 1871 г. та же газета писала, что «шайка киргиз, не принявших положение» угнали 558 лошадей у казахов Бестюбинской волости для продажи в Хиве [16, 1871, № 10].

Ошибочно считать, что конфликты у казахов были лишь с русскими. Часто вспыхивала вражда между родами, не говоря уже о конфликтах с калмыками, башкирами, туркменами. «Роду адайскому, самому воровскому и злейшему из киргизских родов, все роды более или менее враждебны», – писал И.И. Железнов [8, с. 141]. В 1840 г. ташкентский бек, пообещав мятежному Касыму помочь порохом и свинцом, напал на него, убив его, его семью и его окружение. Это была месть за то, что, мстя за брата, его сын вероломно убил 40 ташкентцев [15, с. 33]. Хивинцы регулярно совершали нападения на казахов, кочевавших в районе Сырдарьи. Поэтому основание на её берегу Раимского укрепления (1847 г.) было одобрено ими. В отместку им, хивинцы, как отметил М.А. Терентьев, «расчebarили более тысячи кибиток наших киргизов, утопили 30 грудных детей, забрали 21 семейство в плен». А вскоре «обойдя Раим, хивинцы бросились в Каракумы, расчebarили чиклинцев и дюрткиринцев, перерезали стариков, раскидали по степи младенцев, а женщин забрали в плен» [15, с. 148–149].

Противоречия между казахской знатью и её подопечными порой были предельно обострены. В 1805 г. с просьбой прислать казаков для «усмирения киргиз» обращался хан Айчувак [4, оп.10, д.148, л.1-3]. С такими просьбами обращались и другие представители казахской верхушки. Казаки охраняли султанов не только от «мятежников». «Многие султаны прежде не смели и показываться в степь без казачьего конвоя, до того были ненавидимы своими подвластными», – свидетельствует М.А. Терентьев [15, с. 97]. В 1805 г. уральские казаки сопровождали хана Букея, в 1807 – хана Джантюрю, в 1814 – хана Алгазы [4, оп.10, д.141, д.378, д.1153]. Формуляр урядника Лагашкина типичен: «43 лет, грамотный, в 1827 году служил при султane-правителе западной части Области оренбургских киргиз» [12, оп.6, д.5446, л.96].

Часто конфликты случались не только между казахскими родами, но и между отдельными семьями на бытовой почве. Так, ночью в одном из аулов Джуламан Табынчурин с сообщниками похитили невесту, убив её мать Джаксыкызы, похитив верблюдов и ковер [16, 1871, № 46]. В другом ауле «шайкою киргиз» была убита и ограблена Тайдук Тургенбаева [16, 1880, № 26]. Похищение «киргизской девицы» завершилось дракой между казахами Внутренней Орды, в ходе которой был убит один из её участников [16, 1885, № 26]. Байбагул и Коблан Джулаевы с сообщниками напали на земляков, убив одного из них, ранив двоих и угнав 400 баранов [16, 1891, № 23].

Наряду с конфликтами между казахами и казаками, имел место и позитивный опыт. Представители казахской знати не раз оказывали содействие российским властям в поимке и выдаче мятежников, в поиске и освобождении пленных, предупреждали об опасности. Например, начальники дистанций Узбекгалиев и Шигазин предупреждали начальника Тополиной крепости Бородина о готовящемся нападении «воров-киргизов» [4, оп.10, д.5082, л.5]. За помощь в освобождении из плена казака был награждён старшина рода джагалбайлы Тюлегенов [4, оп.10, д.59, л.1-5], а старшина Котлумбаев «за усердную службу и преданность России» получил две награды (в 1803 и 1815 гг.) [4, оп.10, д.181, л.1-6; д.1135, л.14]. Простой казах Курамсин получил медаль за спасение казака Казанцева [4, оп.10, д.3709, л.1-14]. Среди участников похода Перовского, получивших награды, имелись и казахи [4, оп.10, д.4927, л.1-57]. О Баймухаммеде Айчувакове М.И. Иванин сказал, что он «известен своим усердием» [9, с. 127, 149].

Некоторые казахи меняли веру, например, в 1758 г. старшина Байтебек с подопечными [3, оп.1, д.48, л.26]. Примеров было немало и в XVIII, и в XIX веке. Например, в 1888 г. «Уральские войсковые ведомости» писали, что «на основании протоколов съезда выборных» в войско зачислены «выкресты из киргизов» Павел Чесноков и Василий Жибериков [16, 1888, №1].

Среди лиц, представленных к наградам за отличие в действиях против Кенесары, было много казахов. Только среди старшин, биев и султанов из отряда Бизянова (1843 г.) представлены к наградам

были 28, в том числе султаны Ахмед и Арслан Джантюрины [12, оп.6, д.5446, л.123–134].

Когда в 1847 г. казаки полковника Ерофеева отбивали нападение хивинцев на правобережье Сырдарьи (считавшееся границей), на помощь им подоспели джигиты батыра Джан-ходжи, обратив хивинцев в бегство и преследуя их на собственной территории [15, с. 89].

Отличившиеся были и в кампании 1873 года. «Уральские войсковые ведомости» отмечали, что император «соизволил пожаловать знаки отличия военного ордена 2-й степени киргизам Уральской области Иржану Чулакову и Мангышлакского приставста Глегеню Исенжанову, за оказанные ими отличия во время Хивинского похода» [16, 1878, № 1]. После награждения подопечных подполковника Головацкого, некоторые из числа награждённых вскоре умерли от ран, среди них казах Молдабай [15, с. 213].

Терскую сотню, двигавшуюся к Хиве, окружили несколько тысяч адаевцев. Лаучи бежали, но посыльные Айтмагомет и Ирджан храбро сражались плечом к плечу с казаками [15, с. 122–125].

Калнияз Туркестанов, доставляя почту, сбился с пути. Не найдя колдцов, он зарезал двух лошадей, чтобы пить их кровь. Когда надежда выжить иссякла, он, умирая от жажды, зарыл почву в песок, воткнув в него палку с шапкой, чтобы русским легче было её найти [15, с. 194].

Отряд, двигавшийся из Орска через Тургайскую область и Туркестанский округ, по словам Терентьева, повсюду встречал у казахов достойный приём: «Сами войска сознались, что успешным движением своим они обязаны усердию и заботливости киргизов, которые выставляли на всяком ночлеге даже больше кибиток, чем было назначено, сена накладывали на пол до полуаршина, а сверху застилали кошмами и отказались от платы». Казахские старшины, сопровождая отряд в пределах своих волостей, оказывали разные услуги также бесплатно. «Такое поведение людей, еще недавно волновавшихся из-за нового положения, указывает, конечно, на известную перемену в их образе мыслей», – констатирует Терентьев. Губернатор Крыжановский тогда исхлопотал личную благодарность царя населению многих аулов и награды наиболее отличившимся

лицам. Как пишет Терентьев, ««царское спасибо» разнеслось по степи, как справедливая награда народу, делившемуся и кровом, и теплом, и запасами» [15, с. 184–186].

Не любивший казахов Железнов не верил, что они могут помогать русскими бескорыстно, считая это проявлением хитрости [8, с. 98]. Но приведённые примеры позволяют усомниться в объективности его позиции.

Русские к казахам порой также проявляли добрые отношения. Например, в 1875 г. казак Давыд Карташов, проходивший службу в Средней Азии, спас двух тонущих казахских мальчиков, за что получил серебряную медаль «За спасение погибавших» на Владимирской ленте [16, 1877, № 4].

Таким образом, конфликты в казахской степи и участие в них казаков имели долгую историю. Взаимоотношения российских властей с казахской знатью складывались непросто. С течением времени менялись задачи, стоящие перед Россией в казахской степи. Сначала – охрана границы с ней. Затем – поиск опоры путём вовлечения казахской знати в российское подданство, поддержка лояльных к России ханов и султанов в борьбе с их противниками, превращение службы российскому государству в обязанность казахской знати, постепенное сужение её полномочий и привилегий, создание в казахской степи укреплений для продвижения в Среднюю Азию и т.д. Всегда находились люди, в силу разных причин (потеря статуса, зависть, неприятие новых порядков и т.п.) недовольные действиями российской власти. Их «мятежи» подавлялись при активном участии казаков, чьи командиры (зачастую не являвшиеся казаками) порой проявляли излишнюю жестокость. Но кроме тех, кто занимал непримиримую позицию, были и те, кто стремился сотрудничать с российской властью, и не только ради личной выгоды, но и следуя своим убеждениям. Поэтому представлять казахов и казаков извечными врагами (как это делают многие историки из ближнего зарубежья) несправедливо и ошибочно. Их отношения были не столь однозначны; немало свидетельств и позитивных контактов. Казахи нередко помогали казаками и их командирам искать и ловить мятежников, способствовали

освобождению их пленных, предупреждали о готовящихся нападениях. Участвовали они и в наказаниях мятежных родов, и в военных кампаниях в Средней Азии. И не только как вожаки верблюдов, но и как курьеры, и как проводники, и как разведчики. Непосредственно участвуя в боях, многие проявляли отвагу и героизм.

Кроме того, отношения казахов с другими их соседями (не русскими и не казаками) в местах контактных зон были отнюдь не безоблачны. Иногда случались конфликты, выливавшиеся в кровавые столкновения. Конфликты возникали даже между отдельными казахскими родами, порой имевшими различия в ментальности. Иными словами, в казахской степи сплелись воедино многие проблемы и противоречия, решать которые было непросто, а потому нельзя давать им упрощённую оценку.

Сегодня на постсоветском пространстве колониальная политика царской России повсеместно заслуживает осуждения, как у историков, так и у политиков. Казаки же рассматриваются как её инструмент, как основная военная сила, обеспечивавшая эту политику. В значительной мере, такой подход справедлив. Но осуждая колониализм в принципе, нельзя отрицать наличие и ряда позитивных последствий присоединения к России Казахстана и Средней Азии для их народов.

Список литературы

1. Абдиров М.Ж. История казачества Казахстана / Под ред. Ж. Касымбаева. Алматы: Казахстан, 1994. 160 с.
2. Аяган Б.Г., Шаймерденова М.Д. История Казахстана. Учебник для 9 класса. Алматы: Атамура, 2013. 400 с.
3. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО), фонд № 3 («Оренбургская губернская канцелярия»).
4. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО), фонд № 6 («Канцелярия Оренбургского генерал-губернатора»).
5. Даль В.И. Уральский казак. С. 100–115 // Избранные произведения В.И. Даля. М.: Правда, 1983. 448 с.
6. Данияров К. История Казахского государства. Ч.2. Казахстан-колония России XVIII–XX вв. Алматы: Жибек жолы, 2000. 196 с.

7. Елагин А.С. Казачьи войска в Казахстане. Алматы: Казахстан, 1993. 80 с.
8. Железнов И.И. Василий Струняшев. Роман из казачьей жизни. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1910. 211 с.
9. Иванин М.И. Описание зимнего похода в Хиву 1839–1840 гг. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1874. 268 с.
10. Мякушин Н.Г. Секретная экспедиция уральских казаков. Уральск: Войсковая типография, 1903. 35 с.
11. Паллас П.С. Путешествия по различным провинциям российской империи. Ч.1. СПб.: Императорская академия наук, 1809. 657 с.
12. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), фонд № 405 («Департамент военных поселений»).
13. Рябинин А.Д. Уральское казачье войско. Ч. 2. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1866. 108 с.
14. Сапунов Д.А. Участие казачества Урала и Сибири в присоединении Средней Азии к России (40-е – 90-е годы XIX века): Дисс. ... к.и.н., Челябинск, 2001. 259 с.
15. Терентьев М.А. Хивинские походы Русской Армии. М.: Вече, 2016. 464 с.
16. Уральские войсковые ведомости (газета, г. Уральск) за 1867–1897 годы.

References

1. Abdirrov M.J. *Istoriya kazachestva Kazakhstana* [History of the Cossacks of Kazakhstan]. Almaty: Kazakhstan Publ., 1994. 160 p.
2. Ayagan B.G., Shaimerdenova M.D. *Istoriya Kazakhstana* [History of Kazakhstan]. Almaty: Atamura Publ., 2013. 400 p.
3. State archive of Orenburg region, Fund no 3.
4. State archive of Orenburg region, Fund no 6.
5. Dahl V.I. *Uralskiy kazak* [Ural Cossack]. *Polnoye sobraniye sochineniy V.I. Dalya* [Selected works of V.I. Dahl]. М.: Pravda Publ., 1983: 100–115.
6. Daniyarov K. *Istoriya Kazakhskogo gosudarstva* [History of the Kazakh state]. Part 2. Almaty: Zhibek Zholy Publ., 2000. 196 p.
7. Elagin A.S. *Kazachii voiska v Kazakhstane* [Cossack troops in Kazakhstan]. Almaty: Kazakhstan Publ., 1993. 80 p.

8. Zheleznov I.I. *Vasily Strunyashev. Roman iz kazachiei zhizni* [Vasily Strugachev. Novel of Cossack life]. Saint-Petersburg: M.M. Stasyulevich Publ., 1910. 211 p.
9. Ivanin M.I. *Opisaniye zimnego pohoda v Hivu v 1839–1840* [Description of a winter trek to Khiva in 1839–1840]. Saint-Petersburg: Partnership “Public benefit” Publ., 1874. 268 p.
10. Myakushin N.G. *Sekretnaya ekspediciya uralskih kazakov* [A secret expedition to the Ural Cossacks]. Oral: Voyskovaya tipografiya Publ., 1903. 35 p.
11. Pallas P.S. *Puteshestviya po razlichnym provinciyam Rossiickoi Imperii. Ch. I.* [Travel on different provinces of the Russian Empire. Part I]. Saint-Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1809. 657 p.
12. Russian state military historical archive (rgvia), Fund no 6.
13. Ryabinin A.D. *Uralskoye kazachye voisko. Ch.2.* [Ural Cossack troops. Part 2]. Saint-Petersburg: E. Weimar Publ., 1866. 108 p.
14. Sapunov D.A. *Uchastiye kazachestva Urala I Sibiri v prisoyedinenii Srednei Azii k Rossii. 40-e – 90-e gg. XIX veka* [Participation of the Cossacks of the Urals and Siberia in joining Central Asia to Russia (40’s – 90-ies of the XIX century)]. Chelyabinsk, 2001. 259 p.
15. Terentiev M.A. *Khivinskie pokhody Russkoy Armii* [Khiva campaigns of the Russian Army]. Moscow: Veche Publ., 2016. 464 p.
16. *Uralskiye voiskovyie vedomosti* (newspaper, Uralsk) for years, 1867–1897.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Дубовиков Александр Маратович, доктор исторических наук, профессор кафедры «Философия, история и правоведение» Поволжский государственный университет сервиса ул. Гагарина, 4, г. Тольятти, 445017, Российская Федерация alex@dubovikov@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Dubovikov Alexander Maratovich, Doctor of Historical Sciences, Professor of “Philosophy, history and jurisprudence” Volga Region State University of Service 4, Gagarin Str., Tolyatti, 445017, Russian Federation alex@dubovikov@yandex.ru